

Марту привезли ночью по экстренной. Она давно отказывалась от обследования: сначала считала, что пройдет само, потом все откладывала, потому что боялась оставить Тимошку с отцом: сын был еще не готов (она так считала). Промедлила до кровотечения, когда на носу были экзамены у выпускных классов, а в этом году Марта выпускала даже два. Думала, проживет до отпуска на таблетках, но не дотянула. По природе выносливая и привыкшая к ежедневным нагрузкам, она допускала, что организм опять ее выручит, снова «даст отсрочку», хотя бы ровно до той секунды, когда Олег придет с работы. Но организм не выручил, не дал, и резкая пронизывающая боль вылилась в дикий крик, разбудивший не только полторагодовалого сынишку в соседней комнате, но и напугавший соседку, обычно приходившую приглядывать за малышом в пересменок Олега и Марты. Та прибежала и застала свернувшуюся клубочком от боли женщину на полу, а рядом подтекала кровь. Был третий час ночи, окна хозяйка держала нараспах, видно, воздуха не хватало; в квартире было зябко и почему-то страшно. Вызвав скорую помощь и сообщив Олегу, что дождется медиков, соседка осталась сидеть на кухне, уложив Тимошку, приглядывая за Мартой и боясь пошевелить женщину: не знала, можно ли – нет ли. Марта нравилась ей: шумная, яркая, красивая девушка. Под стать Олегу, мужу: тоже приятному молодому мужчине. Они купили квартиру по соседству год назад, когда Тимошка был совсем крохотным, и за все это время не было слышно ни ругани, ни споров, ни каких-либо повышенных тонов: Марта и Олег всегда улыбались и ходили везде вместе. Тимошка рос в любви и полной семейной заботе, даже идиллии. Она трудилась в школе, он – в какой-то крупной фирме по поставке оборудования: все

шло гладко и мирно... И тут надо же! Какое несчастье. Молодая красивая улыбчивая женщина... и на полу. Мучается от боли, бедная. Мучается...

Майя Николаевна заступила, как обычно, в семь тридцать. Начинаясь привычный теплый майский день, каких было и будет еще целое множество. Переодевшись, она пошла на ежедневную планерку, которую сегодня проводили почему-то не в ординаторской. Женщина работала уже почти десять лет в этой больнице, с того момента, как окончила университет. Все было знакомо до мелочей: и тетя Люся, что только что завершила с уборкой ее кабинета, и Нина, которая, как обычно, сидела на посту и, проглатывая «Р», проверяла мужа по телефону: все ли выключил и как одел детей перед выходом... Вернувшись с рабочей пятиминутки, которую, как впрочем и всегда, растянули до пятнадцати, но это уже никого не удивляло и не напрягало, Майя стала готовиться. К двум плановым сегодня добавилась экстренная операция. Говорили, что женщину молодую привезли с кровотечением. Экстренно не прооперировали, вели на противошоковой, вроде купировали, надо разбираться. Неохота, конечно. Особенно что молодая, после родов год или полтора. Таких всегда особенно жалко было Майе: своего сына она потеряла за месяц до его появления, навсегда лишившись возможности стать матерью и предпочитая никогда не вспоминать об этом. Но всегда с искренней щемящей радостью смотрела на чужих. Не озлобилась, сумев найти себя.

Взглянув на карточку, Майя изменилась в лице. Неожиданность, неприятная неожиданность пропитала каждую клеточку и впилась цепкой яростью в сознание. Майя отвела глаза, выдохнула, прошла по кабинету и взглянула снова. Ошибки быть не могло. Уж слишком редкое имя, а в сочетании с до боли знакомой фамилией

и возрастом все складывалось в самую горькую, едкую, несчастливую картину. Затряслись руки, голова пошла кругом, Майя села, подкошенная вдруг нахлынувшими воспоминаниями.

Майе было двадцать два. Ее мужу тоже. Она была на четвертом курсе, училась почти на отлично. Мечтала пойти в хирургическое после основного, но больше всего гордилась тем, что вот уже четыре года была замужем за самым любимым и достойным человеком во всей вселенной. Они приехали из маленького тихого уютного городка в столицу, держались друг друга, вместе ездили два раза в год к родителям и любили... Через три года после свадьбы юная красивая спокойная Майя готовилась стать мамой. Но однажды Олег пришел и сказал, что встретил другую. Что наконец понял, что такое любовь: оказалось, что это когда руки трясутся, ноги не идут, но душа летит к той, что ждет. Сказал, что сына не бросит никогда, но без любви, без того ощущения, что он испытывал теперь каждый день, он уже никогда не сможет. Поэтому он не обманывает Майю, это было бы нечестно по отношению к ней: к той, что была самым верным его другом, помощником и тылом все эти годы. Предлагал остаться друзьями, верными добрыми друзьями. Он говорил, а Майя ничего не понимала, только чувствовала, что ком подкатывает к горлу, что сейчас разрыдается, но сдерживалась. А потом сказала только, что ей надо немного побыть одной и попросила уйти. Олег улыбнулся, сказал, что всегда знал, что Майя – умница и все поймет, отпустит, потому что любит. Он и девушке своей – Марте – так сказал. Марта? Ну надо же... Марта и Майя... два весенних месяца. Два весенних солнышка... Два.

Дверь захлопнулась, Майя прислонилась спиной к навсегда закрытому от нее счастью и сползла вниз... Резкая пронизывающая боль вылилась в дикий крик. Олег не успел дойти до лифта, как рев развернул его, он прибежал обратно и увидел свернувшуюся клубочком от боли, страха, непонимания... женщину, а рядом почему-то подтекала кровь...

Марта проснулась. Открыла глаза и поняла, что дико хочет пить. Голову было не повернуть, поэтому она всматривалась в предметы, пытаясь сосредоточиться. К ней подошла медсестра, проверила капельницу, сказала, что операция длилась почти десять часов. Оперировала

женщина – ведущий хирург. Марте повезло, что выпала на ее смену, может не беспокоиться, ведь она была в руках профессионала от Бога, и к тому же прекрасного человека. Кстати, врач скоро пойдет проверить показатели и пациентку. Марта выдохнула с облегчением. Неужели обошлось? Надо же. А она так боялась...

Вызвали хирурга: пациентка проснулась. Марта увидела, как вошла красивая молодая женщина лет тридцати пяти. С глубокими грустными синими глазами, внимательными, чуткими, наблюдательными. Марта не могла сказать ей спасибо, потому что была слишком слаба. Но если бы только могла... Она бы кинулась к рукам, что спасли ее. Спасли для Тимошки, для Олега, для нее самой. Врач подошла, быстро окинула ее взглядом, как показалось Марте, поверхностным и невидящим, сверила контрольный лист, пожелала выздоровления. Сказала, что Марта теперь пойдет на поправку, поэтому ее – врача – участие более не нужно. Говорила, почему-то глядя в окно, что Марте тоже показалось странным. Но, наверное, устала. Ведь уже конец смены. После ее операции прошло уже почти двое суток, за это время хирург переживает не одну жизнь... Поэтому все, что могла сделать Марта – это благодарно кивнуть глазами. От всего сердца.

Но Майя Николаевна не увидела этого кивка. Она старалась не смотреть и не видеть. Все десять часов, что шла операция, она думала лишь о жизни, что дана ей в руки, не отвлекаясь. А самыми тяжелыми были пять минут перед тем, как зайти в операционную и увидеть ту, что, как когда-то ей показалось, лишила ее всего на свете. Пережить снова горе потери. Несправедливую неизбежность. Удар под дых. Восстановить дыхание и абстрагироваться. Теперь же, закрыв за собой дверь, она пошогала быстрым уверенным шагом, выдохнув. Затем ее шаг ускорился, и она почти бегом побежала. Чтобы никто не увидел, как сначала ее стошнит, а потом она разрыдается у себя в кабинете. И со слезами окончательно выйдет все ее прошлое. Она поставит точку.

И придет домой к тому, у которого глаза светятся до сих пор, когда он видит ее. А душа и мысли всегда рядом с ней во время самых тяжелых и изнуряющих операций как поддержка и опора. И так уже ровно три года... Три года, как она нашла того, кто никогда не закроет за собой дверь, оставив ее сидеть спиной к закрытому навсегда от нее счастью...